

Вы меня спрашиваете, брат, любил ли я; да. Это особенная и ужасная история, и, хотя мне сейчас шестьдесят шесть, я едва осмеливаюсь коснуться пепла этого воспоминания. Я не хочу ни в чем вам отказывать, но я не стал бы испытывать душу подобной историей. События столь странные, что я не могу поверить, что это произошло со мной. Прошло уже около трех лет с момента, как я был игрушкой этой единственной в своем роде и дьявольской иллюзии. Я, бедный деревенский священник, проводил все ночи (дай Бог, чтобы это происходило во сне!) в проклятой жизни, жизни мирской и страстной (развратной). Один взгляд, слишком полный обожания, кинул я на женщину, думаю, по причине потерянности моей души, но в кон-

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

це концов с помощью Бога и моего святого покровителя мне удалось изгнать злого духа, который овладел мной. Мое существование ночью было сложной жизнью совершенно особого рода. Днем я был священником Господа и целомудренно занимался молитвой и святыми дарами, а ночью, когда я закрывал глаза, я превращался в молодого синьора, знатока женщин, собак и лошадей, игравшего в кости, пьяницу и богохульника, а когда вставала заря и я просыпался, мне казалось, напротив, что я сплю и что я вижу сон о том, что стал священником. Эта сомнамбулическая жизнь оставила во мне воспоминания о предметах и словах, которыми я не мог себя защитить, хотя я никогда не покидал пределов моей пресвитерии; скорее, кажется, я был земным человеком, который воспользовался всеми доходами и миром, входил в религию и мечтал закончить слишком беспокойные дни на груди Бога, нежели смиренным семинаристом, который превратился в кюре в глубине леса, без какого-либо сообщения со своим веком.

ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Да, я любил, как никто в мире любить не может, любовью бессмысленной и яростной, неистовой, которой я был поражен так, что она едва не разорвала мое сердце. Ах! Какие ночи! Какие ночи! С самого милого моего детства я чувствовал стремление стать священником, все мои занятия также были направлены к этому, и вся моя жизнь, до двадцати четырех лет, не была ничем, как долгим послушанием.

Моя теология закончилась, я успешно последовательно прошел через все маленькие предписания, и мои наставники считали меня достойным, несмотря на то что я был очень юн и хрупок, последнего посвящения. День моего рукоположения совпал с Пасхальной неделей.

Я никогда бы не пошел в мир, мир ограничивался для меня колледжем и семинарией. Я смутно представлял себе нечто, что мы называем женщиной, но я останавливал на этом мою мысль; я был совершенно невинен. Я видел мою старую и больную мать не более двух

ТЕОФИЛЬ ГОТЪЕ

раз в году. Это были все мои взаимоотношения с внешним миром.

Я не сожалел ни о чем; я не колебался под влиянием этого безотзывного обязательства; я был полон радости и нетерпения. Никогда юный жених не считал часы с более лихорадочным оживлением; я не спал, мечтая, что скажу на мессе; быть священником — я не видел ничего более прекрасного в мире: я бы отказался быть царем или поэтом. Мои амбиции не простирались далее.

Все это я говорю для того, чтобы показать вам, каким образом я пришел к тому, к чему пришел, как я стал жертвой непостижимой чары.

Настал великий день, когда я отправился в церковь. Я шел так легко, что мне казалось, словно меня нес воздух или что у меня на плечах крылья. Я казался себе ангелом, я изумлялся темным физиономиям озабоченных моих товарищей, ведь нас было несколько. Я провел ночь в молитвах, находясь в состоянии почти экстаза. Епископ, почтенный старик, напоми-

ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

нал мне Бога Отца, склоненного к своей Вечности, и я видел небо через своды храма.

Вам знакомы детали этой церемонии: благословение, причащение двух видов, помазание ладоней рук маслом оглашенных и, наконец, святая жертва, приносимая епископом. Я не буду на этом останавливаться. О! Иов прав, что неосторожен тот, кто не заключает договор своими глазами! Случайно я поднял мою голову, которая до сих пор была склоненной, и увидел перед собой, так близко, что я мог ее коснуться, хотя на самом деле она была на большом расстоянии от меня, с другой стороны балюстрады, молодую женщину редкой красоты, по-королевски великолепно одетую.

Это было как будто пелена упала с моих глаз.

Я почувствовал себя слепцом, который вдруг вновь обрел зрение. Епископ, все время сиявший, вдруг погас, побледнели свечи в своих золотых подсвечниках, как звезды утра, и вся церковь погрузилась в совершенную темноту. Очаровательное создание выделялось в глуби-

ТЕОФИЛЬ ГОТЬЕ

не тенью, как ангельское откровение; оно словно освещало само себя и скорее отдавало свет, чем вбирало.

Я опустил глаза, твердо решив больше не поднимать взгляда на то, что меня выбивало из колеи, на внешние объекты; потому что я все более и более вовлекался, и я уже не знал, что я делаю.

Минуту спустя я открыл глаза, так как увидел ресницы, сверкающие всеми цветами спектра, так в пурпуровых сумерках мы смотрим на солнце.

Ох! Как она была прекрасна! Самые большие художники, преследуя в небе идеальную красоту, не могли бы сообщить земле божественный портрет Мадонны, даже не приблизились бы к невероятной реальности. Стихи поэтов, палитра живописцев не могли передать ее взгляд. Она была настолько огромна, размерами и осанкой с богиню; ее волосы, нежные русые волосы, разделялись на макушке и бежали как два золотых потока; так можно сказать о королеве с ее диадемой; ее лоб,

ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

голубовато-белый и прозрачный, лежал широко и спокойно между двумя почти коричневыми дугами ресниц. Какие глаза! Их свет решал судьбу человека; они имели жизнь, прозрачность, пыл, сверкающую влажность, чего я никогда не видел в человеческих глазах; они бежали лучами, подобными стрелам, и я отчетливо видел, как они достигали моего сердца. Я не знал пламени, которое бы сияло с неба или из ада, но был уверен, что она пришла из первого или второго мира. Эта женщина была ангелом или демоном, а может быть, двумя сразу; она не являлась, конечно, олицетворением Евы, всеобщей матери. Ее белейшие восточные зубы сверкали в румяной улыбке; ее маленькие ямочки прорезывались каждой черточкой в розовом атласе ее очаровательной щеки. Что касается носика, он был тонок и казался гордостью всего королевства, показывая самое благородное происхождение. Блестящий агат играл на гладкой сияющей коже ее полуоткрытых плеч; ряды огромных белых жемчужин, почти та-

ТЕОФИЛЬ ГОТЪЕ

кого же оттенка, как шея, спускались на ее грудь. Время от времени она двигала головой с волнообразным движением змеи или павлина, который важно и с легким холодком покачивает высоко поднятой головой в свежей вышивке воротника, похожего на серебряную шпалеру. Она была одета в бархатное платье *pasarat*, и его огромные, подбитые горностаем рукава спускались с бесконечной тонкостью к длинным и пухлым, идеально прозрачным пальцам; они пропускали дневной свет, как Аврора.

Все эти детали еще присутствуют во мне так, словно они виделись вчера, хотя я был в крайнем смущении, ничто от меня не ускользнуло: самый легкий нюанс, самая черная точка в углу подбородка, еле заметный пушок по углам рта; бархатистость лба, дрожащая тень ресниц на щеках — я охватывал все с поразительной ясностью.

Пока я смотрел, я чувствовал, как будто открывались во мне прежде закрытые двери, двери растворялись во всех направлени-

ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ

ях и распахивали неизвестные перспективы; жизнь являлась мне в новом ракурсе; я почувствовал рождение мыслей нового порядка. Страшная тоска охватила мое сердце; каждая минута, которую я проводил, казалась мне секундой и веком. Церемония продолжалась, и я далеко ушел из мира рождавшихся моих желаний, так яростно осаждавших вход. Однако я сказал *да*, когда хотел сказать *нет*, все во мне восстало и запротестовало против насилия, которое мой язык совершал над моей душой: оккультная сила оторвала меня, несмотря на усилия горла. Со мной, может быть, было то, что делают многие юные девушки, с твердым желанием отказаться от блестящего мужа, которого им навязывают, и ни одна не выполняет своего замысла. Это, без сомнения, то, что совершают некоторые бедные послушники, принимая постриг, хотя они хорошенько решили порвать с миром в момент произнесения обета. Мы не можем вызвать скандал перед всем светом, не обманув ничьих ожиданий; все это доброволь-